МОЙ ПУТЬ… ОТ СКЕПТИЦИЗМА К ВЕРЕ

Джош Макдауэлл

МОЙ ПУТЬ… ОТ СКЕПТИЦИЗМА К ВЕРЕ

Джош Макдауэлл

OM EAST

Originally published in English under the title
My Journey...from Skepticism to Faith
by Josh McDowell
Copyright © 2009 by Josh McDowell Ministry

© 2021 for the Russian edition.
Translated by permission. All rights reserved.

Перевод: Маргарита Гойман
Редактор, корректор: Маргарита Гойман
Вёрстка: Татьяна Штанько

Цитаты из Библии взяты из Синодального перевода и пере-вода «Радостная весть»
© Российское Библейское Общество, 2000, 2005.

© Издание на русском языке, «CLC Филадельфия», 2021
Все права защищены. Данное издание запрещено копировать, передавать в системы распространения файлов в любой форме, любыми средствами: электронными, механическими, фотокопией, записью на любые носители без предварительного письменного разрешения издательства или лицензии, разрешающей копирование материалов, защищённых авторским правом.

1

В тот день я проснулся раньше обычного. Ещё не рассвело. Я быстро оделся и пошёл управляться по хозяйству, ощущая чувство тревоги, которое в последние дни испытывал всё сильнее. Выйдя из дома, я направился к хлеву, как делал это уже тысячу раз.

«Возможно, это случится уже сегодня», — подумала я, скармливая ведро овса своей лошади Долли. Она смотрела на меня своими большими карими глазами, которые всегда меня успокаивали. Я почти слышал, как она думает: «Возьмёшь меня с собой?»

Я засмеялся и погладил её по морде. «Посмотрим, Долли. Посмотрим». Она тихонько ободряюще заржала. Я поспешил заняться другими делами. Уже было семь часов, а я всё ещё не закончил. «Ладно, дела подождут», — подумал я и побежал в дом к маме.

На кухне мыл посуду наш наёмный работник Уэйн Бэйли. Это был высокий худой человек с длинным заострённым носом. Иногда он казался мне страшным, а иногда — смешным,

когда ходил по дому в фартуке и выметал пыль из углов или из-под обветшалой мебели.

— А где мама?

Уэйн оторвал взгляд от тарелок и прищурился.

— А тебе зачем? — спросил он.

Я прикинулся дурачком и, притворно зевая, ответил:

— Просто интересно.

— Она ушла с твоим отцом.

У меня округлились глаза.

— Они уже перевозят тот дом?

Я так разволновался, что слова застряли у меня в горле.

— А зачем тебе это знать?

Я таращился на лицо Уэйна, ища подсказки.

— Они сейчас перевозят тот дом, так ведь? — воскликнул я.

Уэйн сделал вид, что изо всех сил трёт сковороду. Его молчание сказало всё. Я опрометью кинулся в свою комнату, переоделся в чистый комбинезон и красную клетчатую рубашку, которую отложил для этого случая. Через пару минут я уже бежал к двери, на ходу заправляя рубашку в штаны.

Уэйн глянул на меня исподлобья.

— Твоя мать велела никуда тебя не отпускать, пока не закончишь с делами!

— Уже закончил! — огрызнулся я и выскочил из двери.

Поодаль я заметил ходивших по гребню холма людей. Вдоль холма стояли легковые и грузовые автомобили. Я нёсся так быстро, как только мог в свои одиннадцать лет. Такое событие я не пропущу. Ни за что. Это было похоже на приезд цирка в городок — только ещё лучше. Цирк приехал прямо к нам на задний двор!

Мой старший брат, Уилмот-младший, или просто Младший, как мы его звали, собирался переместить дом для наёмных фермеров, стоявший на вершине холма, примерно на милю вниз по дороге. По какой-то причине это ужасно расстроило моих родителей. Мама плакала каждый раз, когда об этом заходил разговор. Я не понимал, почему их с отцом это так огорчало; они ничего мне не говорили, но я слышал разговоры о том, что жена Младшего заправляла им и забивала ему голову бредовыми идеями.

Поговаривали также о судебной тяжбе и о том, что Младший обчистил маму с папой до нитки. Я спросил маму, что такое судебная

тяжба и почему чистка стоит так дорого. Эти вопросы только ещё больше её расстроили.

— Ты слишком мал, чтобы понять, — ответила она, но всё же кое-что мне объяснила. Как оказалось, Младший утверждал, что отец пообещал ему этот дом. Отец же всё отвергал. Но кто знает? Отец был заядлым пьяницей и, напившись, говорил то, о чём потом жалел или вообще не помнил. Ежедневно он выпивал две-три бутылки дешёвого вина. В пьяном угаре он обычно впадал в ярость, а потом становился невменяемым и сумасбродным.

Вскоре все эти взрослые разговоры об обмане и судебной тяжбе перестали меня интересовать. Мои мысли были заняты другим. «Как они перевезут этот дом?» — ломал я голову. Мне так хотелось это знать. Может, прилетят вертолёты, поднимут дом и перенесут на новое место? А может, приземлятся самолёты и утащат его на толстых крепких верёвках? Я понятия не имел, но точно не собирался пропустить это зрелище.

Запыхавшись, я взобрался на вершину холма. Вокруг дома уже стояли большие тракторы, и бригада рабочих обвязывала его стены верёвками. Мать с отцом не сводили глаз с Младшего, стоявшего рядом с домом. Толпа

соседей и ватага каких-то парней из города смеялись и болтали, пока рабочие выкапывали кусты и деревца, которые мама посадила возле дома. Вместо ожидаемого веселья я увидел странную картину. Что-то было не так.

Вместо ожидаемого веселья я увидел странную картину. Что-то было не так.

Я наблюдал за тем, как отец подошёл к Младшему и схватил его за руку, чтобы не дать выкопать растения. Младший отдёрнул руку, отец пошатнулся и едва не упал. Мама тоже направилась к толпе, размахивая платком, словно призывая к перемирию. Не обращая на неё никакого внимания, толпа обступила отца и принялась отчитывать его, как бестолковое чадо. Я услышал выражения, от которых у меня покраснели уши. Потом толпа набросилась с оскорблениями на маму, выкрикивая грязные, мерзкие слова. Я ошеломлённо смотрел на этих «хороших» людей, которых знал всю свою жизнь. Как они могли так обзывать моих маму и папу? Разве они не были нашими друзьями?

С утра подвыпивший отец поскользнулся на слякоти и повалился навзничь, вызвав

новые насмешки толпы. Я подбежал к маме, боясь, что она тоже упадёт, пытаясь помочь отцу встать. Мне никогда не забыть выражение её лица. Она посмотрела на меня глазами утопающего, который изо всех сил пытался удержаться на плаву в бурном потоке, но уже слишком ослабел, чтобы продолжать бороться. Я видел, что она сдалась и готова пойти на дно, смирившись со своей гибелью в пучине. Я посмотрел на свой недавно отутюженный комбинезон и красную клетчатую рубашку. Они были заляпаны грязью. Пошёл дождь.

Я ещё раз огляделся и понял, что веселья не будет. Самолётов, которые перетащили бы дом вниз по дороге, тоже не будет. Меня постигло глубокое разочарование, но оно было ничто по сравнению с жестоким уроком, который клеймом отпечатался в моём сердце, словно его выжгли горячим железом. Я никогда не знал любви в родном доме, а теперь собственными глазами увидел, что соседи нас тоже не любили. «В мире нет любви, — подумал я, — и надежды тоже нет. Нет ни любви, ни надежды». И в моей голове зазвенела пустота.

—

А потом я сбежал с холма и бросился в сторону хлева, рыдая на виду у всех. В одном конце хлева мы хранили пшеницу, овёс и очищенную кукурузу для кормёжки скота. Я взлетел по ступенькам к бункерам с зерном, вбежал в большую дверь и запер её на тяжёлый железный засов. В помещении было два окна с жалюзи. Я выбил палки, поддерживающие жалюзи, в темноте забрался в бункер с кукурузой и погрузился в неё по самую шею.

Я хотел умереть. Не потому, что веселье на холме не удалось; не потому, что моих родителей так унизили лжедрузья, и не потому, что мой брат ненавидел свою семью, а потому, что всё это обрушилось на меня разом. Мне было очень больно и стыдно.

Я проклинал Бога между рвущимися из меня рыданиями. Бог, если Он вообще существует, бросил меня. А если бы Он существовал и в тот момент предстал передо мной, я бы набросился на Него с кулаками. Я ненавидел Его больше всего на свете. Вообще-то, не только Его. Отца я тоже сильно ненавидел.

Я бранил отца последними словами и проклинал снова и снова, будто давал клятву. Беспробудный пьяница. Трус, избивавший мою мать каждый раз, когда напивался. Даже

сейчас он наверняка искал одну из своих бутылок с вином, которые прятал на ферме. Он не был отцом. Он был жалким пьяницей, который обзавёлся детьми, и теперь было кому вкалывать на ферме. Ну ничего, он получит по заслугам. Я позабочусь об этом.

Прошёл час, два, три. Я уже проголодался. Стало ясно, что никто не собирается меня искать. Я был один, всеми позабытый. Никому не было дела, жив я или мёртв.

Помню, я подумал: «В мире нет любви. Нет смысла. Нет Бога».

В конце концов я вылез из бункера с кукурузой и побрёл к двери с тяжёлым засовом. Я толкнул дверь, и меня ослепил луч яркого солнечного света. Я прищурился в надежде увидеть кого-нибудь рядом. Вдруг кто-нибудь всё же пришёл искать меня. Может, мама. Сейчас она подзовёт меня и приголубит. Но никого не было. Только ветер гулял.

Я закрыл дверь в зернохранилище и спустился в хлев. Помню, я подумал: «Мы живём как животные. И умру я как животное. Все мы умрём как животные. В мире нет любви. Нет смысла. Нет Бога». Мои глаза стали

привыкать к яркому свету, а сердце — к новым реалиям моего существования. Детская невинность испарилась, как утренний туман.

2

Моим единственным утешением была лошадь Долли. Мне нравилось сидеть рядом с ней ранними утрами, смотреть, как она жуёт овёс, и говорить с ней обо всём на свете. Она всегда меня слушала не перебивая. Я сидел рядом с ней и на следующее утро, как вдруг услышал громкое мычание коров и ругань отца.

— Давай посмотрим, — сказал я Долли. — Мне кажется, он пытается подключить молочный шланг к насосу и у него не получается. А у тебя какие предположения?

Долли глянула на меня своими тёплыми карими глазами и продолжила с удовольствием жевать овёс.

— Хоть бы ему не пришло в голову и тебя подоить, — сказал я. — А то он наделает дел.

И тут я услышал другой голос, от которого у меня по спине пробежал холодок, а тело напряглось. Мама. Она заорала на отца. Даже коровы замолчали и не проронили ни звука, пока мать кричала во всю глотку:

— Как ты подключил доильные аппараты? Ты же сгубишь несчастных коров!

Коровы снова замычали, когда раздался пронзительный вопль.

Я вскочил на ноги и побежал в другой конец хлева. Крики матери стали громче, как и проклятия отца. Я повернул за угол и увидел тошнотворное, слишком знакомое зрелище. Пьяный отец изо всех сил бил маму резиновым шлангом. Я не успел добежать до них, как он повалил её на землю; она упала в канаву рядом с коровами и беспомощно валялась в навозе.

Уже через мгновение я оказался на отце, колотил его, пинал, плевал и проклинал. Мне повезло, что отец был некрупным. И, к моему счастью, когда я вмешивался в их ссоры, он никогда не набрасывался на меня. Каким-то образом мне, видимо, удалось достучаться и докричаться до его затуманенного сознания и привести его в чувство. Он прекратил издевательства и, шатаясь, пошёл из хлева. Но я ещё не закончил с ним. Я шёл за ним, крича во весь голос:

— Я тебя когда-нибудь прикончу! Слышишь меня? Я тебя убью!

Я швырнул в него молоток, но промахнулся.

— Я убью тебя во сне! Я воткну в тебя кухонный нож! Воткну прямо в сердце и покручу туда-сюда!

Отец даже не обернулся.

Потом я услышал, как мать позвала на помощь. Она не могла встать. Я тоже не мог её поднять. Она была слишком тяжёлой для меня (мама была невысокой, но весила почти сто сорок килограммов). Я опустился на колени рядом с ней и, вытирая кровь с её лица, заплакал вместе с ней. Она посмотрела на меня так же, как вчера на холме: это был взгляд утопающего, который сейчас отпустит меня и исчезнет под водой.

— Он не хотел ничего плохого, — сказала она мне тихо. — Он не нарочно.

«Замолчи! — закричал я про себя. — Он сделал это нарочно». О, как же я его ненавидел! Я хотел сделать с ним то же самое, что он сделал с ней. Я хотел, чтобы он испытал ту же боль, которую причинил другим. Я желал ему смерти всем своим существом.

— Позови Уэйна, — хрипло сказала мать.

Уэйн хорошо знал всю процедуру, потому что подобное происходило регулярно. Вдвоём мы поднимали маму на ноги и отводили в дом. Несколько дней она лежала в постели, приходя в себя и поправляясь. Причиной её частых травм было не только жестокое обращение отца. Из-за своего избыточного веса она часто

падала, выполняя работу по дому, и неизменно получала вывих бедра.

— Уэйн! — крикнул я, вбегая в дом. Уэйн был в своей комнате. Я побежал наверх и заглянул в его комнату. Она всегда была в идеальном порядке, а уюта добавляла его коллекция чайных чашек и прочие вещицы. А ещё у Уэйна были попугаи в клетке: яркие весёлые маленькие существа, которые так контрастировали с нашей унылой фермой.

Услышав все эти крики, он сразу понял, что случилось. Он посмотрел на меня с этой знакомой ухмылкой, подошёл, опустился на колени и заглянул мне прямо в глаза. Я слегка отшатнулся. У него всегда был неприятный запах изо рта. Но в его глазах была некая нежность, некое понимание. Он положил руку мне на плечо и, когда я отстранился, слегка обиделся. Я не обратил на это внимания.

— Маме нужна помощь, — сказал я. Руки Уэйна потянулись к моему лицу. Вытирая слёзы с моих щёк, он заговорил успокаивающим голосом:

— Не переживай, Джош. Пойдём посмотрим, что можно сделать.

Мы с Уэйном спустились вниз и направились к входной двери. На этот раз я позволил

ему положить руку мне на плечо. Мама лежала там же, где я её оставил, только теперь на ней было ещё больше навоза. Мы помогли ей подняться, и через несколько часов она, вымытая, лежала в постели. Ну а я опоздал в школу.

3

В это трудно поверить, но иногда мать и отец ладили и даже что-то делали вместе — например, ездили из Мичигана в Калифорнию навестить родственников. Мне же всегда приходилось оставаться дома с Уэйном. За несколько дней до отъезда мама давала ясные указания:

— Беспрекословно слушайся Уэйна. А не то я задам тебе хорошую трёпку.

— Можно мне с вами? — спрашивал я в надежде, что они передумают и возьмут меня с собой.

Но глаза мамы вспыхивали праведным негодованием:

— И пропустишь школу? Ни за что на свете, молодой человек. Кроме того, у тебя есть дела по дому.

Через несколько дней мать с отцом складывали чемоданы в седан «шевроле» и уезжали в лучах заходящего солнца. Я смотрел им вслед, наблюдая, как за машиной рассеивается шлейф пыли, и внутренне готовился к неизбежному.

Уэйн был педофилом. В первый раз он приставал ко мне вскоре после того, как на-

чал работать у нас на ферме, мне тогда было шесть лет. Я дважды пытался рассказать об этом матери, но она мне не поверила и отказалась говорить на эту тему, посчитав её непристойной для обсуждения. Больше я никогда ни с кем не заговаривал об этом, ведь мне бы всё равно не поверили. А если бы и поверили, то, скорее всего, закрыли бы на это глаза, надеясь (возможно, и молясь), что проблема исчезнет сама собой.

К несчастью для меня, эта проблема не разрешилась. Уэйн домогался меня всякий раз, когда представлялась возможность. Даже если мама уходила из дома всего на несколько часов, он кидался на мои поиски. А теперь, когда мать с отцом уехали почти на две недели, от Уэйна и подавно не было спасения.

Уэйн домогался меня возле радио, где я обычно сидел и слушал свою любимую передачу. Он медленно подкрадывался, и затем я чувствовал его длинные костлявые пальцы на своём плече. Как только он дотрагивался до меня, мне хотелось кричать, но я молчал. Я хотел убежать, но куда? Кто мне поможет? Я просто цепенел.

Никто в моей семье никогда не проявлял ко мне любви, даже мама. А мне так хотелось,

чтобы меня любили. Но то, что делал Уэйн, было отвратительно, ужасно! Я это понимал, и, конечно, Уэйн понимал, однако это не мешало ему продолжать приставать ко мне.

«Если бы только отец был здесь, — думал я. — Если бы он был трезвым. Если бы это его руки лежали на моих плечах, а не руки Уэйна». Как же я жаждал отцовской любви!.. А вместо этого мне приходилось терпеть кошмарную «нежность» Уэйна Бэйли.

Никто в моей семье никогда не проявлял ко мне любви, даже мама.

Обычно через пару недель мать с отцом возвращались домой. Едва переступив порог, мама спрашивала меня:

— Слушался Уэйна?

Я утвердительно кивал головой. Затем мама смотрела на Уэйна, и он тоже кивал, как всегда с лёгкой ухмылкой. Положив руки мне на плечи, Уэйн говорил маме, что я был хорошим мальчиком.

—

Вернувшись из поездки, отец никогда ничего не говорил и не задавал вопросов, а сразу

же отправлялся на поиски одной из своих бутылок с вином, которые припрятывал в разных местах на ферме. Пока его не было дома, я находил большинство из них и во все мочился. Я знал, что он не почувствует разницы, а вскоре и вовсе будет пьян в стельку.

Всякий раз, когда мы узнавали, что к нам в гости собираются нагрянуть соседи, я брал дело в свои руки. Сначала отгонял отцовский пикап за хлев, где его никто не увидит. Потом настежь открывал двери хлева и шёл за отцом. Я брал его за шиворот и тащил в хлев. Работа на ферме сделала меня довольно сильным, а отец был невысоким и худым. Когда отец напивался вдрызг, он особо не сопротивлялся, даже прекрасно зная, что я собираюсь с ним сделать.

Когда отец напивался вдрызг, он особо не сопротивлялся.

Я затаскивал отца в хлев и привязывал к стойлу, одной верёвкой завязав ему руки, другой обвязав шею и ноги. Я не верил в Бога, но всё же молился о том, чтобы отец удушился ночью в хлеву. Именно там я собирался оставить его до самого утра.

Когда подъезжала компания гостей и спрашивала о нём, я отвечал: «Ему пришлось нена-

долго уехать» или «У него назначена встреча в городе». Они больше не задавали вопросов, просто вежливо кивали и заходили в дом.

А ночью я долго не мог заснуть и всё размышлял, не проскользнуть ли мне в хлев и не затянуть ли верёвку вокруг шеи отца чуть потуже. Ровно настолько, чтобы помочь ему отойти в мир иной. Но полиция наверняка догадается, что это сделал я, и меня отправят в тюрьму или исправительное учреждение. (Я точно не знал, куда могут упечь тринадцатилетнего подростка, убившего собственного отца, но вряд ли это приятное место.)

—

Я уже достиг переходного возраста, мои мускулы развивались. Я сжал левый кулак и несколько раз ударил по стене рядом с кроватью. Я нашёл по крайней мере одно очень хорошее применение своей возросшей силе, и настало время испытать её, когда мать с отцом снова уедут. Мне не пришлось долго ждать.

Родители в очередной раз уехали в гости, и всего через несколько минут Уэйн уже стоял позади меня. Я напрягся, зная, что будет дальше. Он тоже знал. Мой страх и нервоз-

ность никогда его не останавливали. Когда он подошёл ещё ближе, я прикусил губу. Я хотел, чтобы он ещё чуть приблизился. Ещё немного. Его лицо было так близко, что я почувствовал его зловонное дыхание.

Наверное, он уже закрыл глаза. На это я и рассчитывал. Я резко развернулся и прижал Уэйна к стене. Теперь настала моя очередь дышать ему в лицо. Я придвинулся к нему, не касаясь его своим телом, при этом сжимая его шею левой рукой, и поднял перед ним сжатый правый кулак.

— Если ещё хоть раз дотронешься до меня, я тебя убью! Понял меня?

Уэйн не ответил, и тогда я сжал его шею ещё крепче. В тот момент мне показалось, что я слышу два голоса одновременно: один говорил мне в одно ухо, другой — в другое. Один голос велел прикончить Уэйна, другой сказал остановиться.

Один голос велел прикончить Уэйна, другой сказал остановиться.

Уэйн посмотрел на меня, отчаянно пытаясь сделать вдох. Я сжал его шею так сильно, что он не мог произнести ни слова. Он повёл глазами вверх-вниз, и

я принял это как «да». Я неохотно ослабил хватку, и он соскользнул на пол, держась за шею и кашляя.

Уэйн больше никогда не прикасался ко мне. А через несколько лет он бросил работу на ферме и уехал навсегда.

4

Когда я был старшеклассником, и мои дела наладились. Я стал полузащитником в футбольной команде и отличным защитником в баскетбольной команде. Успеваемость в школе тоже была хорошей. А ремонтируя автомобили неполный рабочий день, я ещё и подрабатывал.

В школе у меня появилось много друзей. Я даже нашёл себе названных родителей благодаря своим спортивным достижениям. Они присутствовали на всех моих матчах, воодушевляли и подбадривали меня, поскольку мои родители не приходили ни на один мой матч: отец — по очевидным причинам, а мать — потому что была слишком грузной, чтобы передвигаться или сидеть на узких трибунах.

Как-то вечером, за пару месяцев до школьного выпускного, я пришёл домой со свидания и услышал плач матери. Я побежал по дому в поисках её и в то же время искал отца.

— Если он что-то с ней сделал...

Я не закончил мысль и сжал кулаки.

Я нашёл маму в постели, она плакала. Конечно же, отец избил её, но она, как обычно,

оправдывала его поведение. А я, как обычно, разозлился. Поведению отца нет никаких оправданий. Никогда не было и быть не могло! Я найду его и сделаю с ним то же самое, что он сделал с ней.

Я развернулся, чтобы уйти, но мама сказала:

— Сядь, сынок, — указывая на край кровати. Меня остановило выражение её глаз. И её голос. В нём было что-то необычное, что-то тревожное. Я сел рядом с ней на кровать.

Мать дважды бросала отца, обещая мне вернуться и забрать меня с собой. В первый раз она поехала в Чикаго и устроилась на работу личным водителем для пары, слишком старой, чтобы водить машину. Во второй раз она отправилась в Батл-Крик. Оба раза отец некоторое время был трезвым и умолял её вернуться домой. В конце концов она возвращалась. После чего отец снова брался за своё: пил и бил её. Всё раз за разом повторялось по тому же кругу: отец напивался, избивал мать, она его оправдывала, обещая, что он изменится. Шутишь? Отец изменится? Как же! Бывает, и слоны летают, ногами в воздухе махают.

Все мои братья и сёстры покинули ферму и больше никогда не возвращались. Да и кто мог винить их за это? Теперь и я собирался

уехать. Возможно, об этом и думала мама, когда сказала мне:

— Я подожду, пока ты окончишь школу. А потом... я хочу умереть.

— Прекрати шутить, мама, — ответил я.

Она отвела от меня взгляд и посмотрела на стену. У нас на стенах не висели ни картины, ни фотографии. Мне стало интересно, на что она так пристально смотрит.

— Твой отец причинил мне много горя, — сказала она.

— Он всем нам причинил много горя, мама. А тебе больше всех.

Мама молча кивнула. По её лицу текли слёзы.

— Да. Так и есть. И у меня больше нет сил это терпеть.

Я снова заговорил, стал давать ей какие-то обещания, но она оборвала меня:

— Пообещай мне кое-что.

Я ждал, что она скажет дальше.

— Пообещай мне... — прошептала она.

Я молча кивнул.

— Пообещай, что никогда не станешь алкоголиком.

Я снова кивнул.

— Что не будешь ругаться.

Я сомневался, что смогу сдержать это обещание, но всё же пообещал.

— И что станешь таким сыном, которым я смогу гордиться.

Эти слова меня ошеломили. Невольно я заплакал. «Она не должна умереть, — подумал я. — Ей нельзя умирать. Пусть умрёт кто-то другой, но только не мама».

— Пообещай мне, — сказала она.

— Обещаю.

«Пообещай мне, что станешь таким сыном, которым я смогу гордиться».

Я крепко сжал её руку, и она откинулась на подушку. Когда она закрыла глаза, я подождал ещё несколько минут и встал, чтобы уйти. На пороге я оглянулся и посмотрел на неё. Она выглядела умиротворённой и дышала гораздо легче. «К завтрашнему дню ей станет лучше. Как и отцу после того, как проведёт ночь в хлеву», — подумал я и тихо вышел из комнаты.

—

Школьный выпускной прошёл скучно. Я получил аттестат и через несколько недель с

несколькими своими школьными приятелями вступил в Национальную гвардию военно-воздушных сил. Мы были в том возрасте, когда соблазн опасности, сопутствующий действительной службе, казался захватывающим. Но вот пришёл приказ о направлении на обучение, и моих друзей отправили на военно-воздушную базу Лэкленд близ Сан-Антонио, штат Техас, причём без меня. Нет, так дело не пойдёт: мы одна команда и должны держаться вместе! Я пошёл к вербовщику, капитану военно-воздушных сил.

— Я хочу быть со своими друзьями, — сказал я ему.

— Это невозможно, — ответил капитан, перебирая толстую стопку бумаг.

— Не говорите мне «невозможно», сэр.

Капитан резко глянул на меня. Я добавил:

— При всём моём уважении, сэр, для меня не существует слова «невозможно».

Он улыбнулся, оценивая меня взглядом.

— Что ж, можно кое-что сделать, — произнёс он.

— Да, сэр?

— Ты можешь записаться в регулярные военно-воздушные силы и встретиться с ними в Лэкленде.

— Могу?

— Да, можешь.

— В регулярные военно-воздушные силы?

— В регулярные военно-воздушные силы.

Я провёл языком по щеке и попытался представить, какими будут эти четыре года в военно-воздушных силах. Капитан вернулся к стопке бумаг.

— Я запишусь, — сказал я и уже через несколько минут давал военную присягу. Когда я произносил слова присяги, у меня в голове звучали другие слова: «Это плохая идея».

Как оказалось, моё пребывание в военно-воздушных силах было совсем не таким тяжёлым испытанием, как я себе представлял. Во-первых, я достиг своей краткосрочной цели — провёл две недели с друзьями (признаю, смехотворная причина для вступления в армию), и раз уж я поступил на службу, я решил воспользоваться этим по максимуму. Мне поручили ремонт и техническое обслуживание грузовых самолётов С-124 на базе в Дувре, штат Делавэр (а мне всегда нравилось работать с механизмами). Однако командование пришло к выводу, что меня можно задействовать с большей пользой, нежели в работе с самолётами. Мои спортивные способности

обеспечили мне место в баскетбольной команде базы, и я объездил всё Восточное побережье, в том числе побывал и на Бермудских островах, принимая участие в соревнованиях с командами из других баз ВВС. Это хорошо отразилось на нашем подразделении, и в ответ командир взвода делал мне много поблажек.

Иногда мне приходилось нести дежурство. Однажды, проходя мимо строительных лесов в ангаре, на которых два человека работали над С-124, я услышал, как кто-то сверху закричал, предупреждая меня об опасности. Я глянул вверх и увидел летящую на меня тяжёлую выходную трубу. Я не успел отскочить в сторону. Труба попала мне прямо в голову, и у меня перед глазами всё потемнело.

Очнулся я в военно-морском госпитале в Филадельфии. Множество обследований выявило повреждение вследствие отёка в правой стороне моего мозга. Врачи держали меня в больнице три месяца; казалось, прошла целая вечность. И вот однажды в пятницу — помню, это была пятница тринадцатого — на пороге моей палаты появился капеллан военно-воздушных сил.

«Почему он застыл в дверях? — удивился я. — Почему не проходит внутрь?»

Не переставая вертеть в руках свою шляпу, капеллан наконец сказал:

— Это вы лётчик Макдауэлл?

— Да, это я.

— Я капеллан Гардинер.

Я весь напрягся. Ни за что не позволю этому человеку помолиться за меня. Я вперил в него ледяной взгляд. Он отвёл глаза. «Так-то лучше», — подумал я.

— Боюсь, мне придётся сообщить вам плохие новости, — сказал капеллан.

Тяжёлая выходная труба попала мне прямо в голову, и у меня перед глазами всё потемнело.

«Плохие новости, — усмехнулся я. — Пусть врачи сообщат их мне, а не этот парень».

— Это насчёт вашей матери, — продолжил он.

— А что с моей матерью? — я сел на кровати.

— Сегодня утром она умерла.

5

Поездка из Пенсильвании в Мичиган, казалось, не закончится никогда. Большую часть пути я ехал автостопом. С озера Эри дул холодный ветер, а когда до дома оставалось примерно сто миль, пошёл снег. Я пытался согреться воспоминаниями об одном человеке в моей жизни, мама, которая, я верил, любила меня, хотя никогда не показывала мне этого. У меня не выходила из головы наша беседа за два месяца до окончания школы.

«Я подожду, пока ты окончишь школу, а потом я хочу умереть... Твой отец причинил мне много горя... Пообещай мне...»

Если бы не умерла моя мать, врачи не разрешили бы мне покинуть больницу. Из-за травмы головы я страдал частичной амнезией; я просыпался посреди ночи и не мог сообразить, где нахожусь, а иногда не помнил, кто я.

«Я подожду, пока ты окончишь школу, а потом я хочу умереть».

Наконец я добрался до дома. Я толкнул старую сетчатую дверь и вошёл внутрь;

там было холодно, очень холодно. Печку никто не топил. Я ходил по дому, удивляясь, куда все подевались. Заглянул в спальню матери. Покрывало на кровати было откинуто назад. Выглядело так, словно там только что кто-то спал. По привычке я оглянулся в коридор и крикнул: «Мама?» Ответа не последовало.

Я пошёл в другие комнаты. Комната брата... Бывшая комната Уэйна Бэйли наверху.

Раздался звук открывающейся входной двери. Я замер. Под чьими-то шагами заскрипели половицы коридора. Кто-то вошёл в комнату матери. Я медленно спустился вниз.

Он сидел рядом с кроватью спиной к двери. Ветер на улице подул сильнее, в окна хлестал ледяной дождь. Отец поднял край простыни и вытер глаза.

Я смотрел на него с минуту и вышел на улицу. Отец оставил ключи от своего пикапа в замке зажигания. Я поехал в город, чтобы найти маминого врача и выяснить, что случилось. Он сказал мне, что перед смертью мама несколько дней не вставала с постели.

— Внутреннее кровоизлияние, — пояснил он.

— Вы видели её лицо перед смертью? — спросил я.

— Её лицо?

— Каким было выражение её глаз?

Врач удивлённо посмотрел на меня, не понимая, к чему я клоню.

— Как бы вы описали выражение её глаз? — продолжил я.

— Не знаю. Когда я добрался туда, она уже умерла.

— Понятно.

— Я ничего не мог сделать, сынок, — сказал он.

Я кивнул и встал, чтобы уйти. У врача были пациенты, ожидавшие приёма. Он пожал мне руку и сказал, что ему очень жаль. «Говори что хочешь, — подумал я, идя по тротуару к пикапу отца. — А я знаю, почему умерла мама». Я сел в пикап. Только что выпавший снег залепил всё лобовое стекло, и я оказался в необыкновенном светящемся коконе. Я заскрежетал зубами и вцепился в руль так сильно, что казалось, он развалится на кусочки у меня под руками. «Я знаю, почему умерла мама, — продолжил я свои размышления вслух. — Она умерла из-за разбитого сердца. Говори что хочешь, но мама умерла из-за разбитого сердца».

Я посмотрел на заснеженное стекло. Мне хотелось плакать… Мне хотелось плакать, как

в тот вечер рядом с кроватью матери. Но я сдержался. Я завёл двигатель и поехал обратно на ферму.

На панихиде, проходившей возле могилы матери, присутствующих было мало. Мама наконец-то обрела покой, о котором всегда мечтала. Вскоре я отправился автостопом обратно в военно-морской госпиталь в Пенсильвании.

«Я знаю, почему умерла мама… Она умерла из-за разбитого сердца».

6

Через несколько месяцев меня уволили из военно-воздушных сил по медицинским показаниям, и я вернулся на Средний Запад. Я не был уверен, куда податься, но возвращаться на ферму точно не собирался. Я обосновался в Чикаго, неподалёку от того места, где жила моя сестра Ширли. Нашёл работу по ремонту и техническому обслуживанию холодильных установок восемнадцатиколёсных грузовиков, которые перевозят мясо и продукты питания через всю страну.

В работе было несколько «премудростей», которым меня научили в первый рабочий день. Парень по имени Джо ввёл меня в курс дела. Он подогнал свою машину к грузовику, оставленному для техобслуживания, и начал перекачивать бензин из грузовика в большие бочки. Я нервно огляделся по сторонам.

— Не волнуйся, — сказал Джо с усмешкой. — Водитель вернётся только через четыре-пять часов.

— Меня беспокоит босс, а не водитель.

Джо засмеялся.

— Босс? А кто, по-твоему, научил меня этим премудростям?

Джо продолжил проводить со мной «инструктаж». Он и ещё один парень по имени Джерри открутили болты на холодильной установке, прикрепили её к лебёдке и вытащили из фургона. Затем Джерри протиснулся внутрь фургона и стал передавать нам с Джо добычу: окорока, индейки, ящики со стейками... Это была золотая жила! Потом мы как ни в чём не бывало провели техобслуживание холодильной установки, поставили её на место и закрутили болты.

Когда ничего не подозревающий водитель вернулся за своим грузовиком, Джо и Джерри превратились в опытных актёров. В нужный момент они обычно выпрыгивали из фургона, вытирая масляные руки тряпками, или ходили по фургону с озабоченным, заботливым видом настоящих работяг, которые вносят посильный вклад в поддержание безопасности и процветания Америки. Водитель проверял замки и пломбы на дверях фургона, подписывал рабочий наряд и отправлялся в путь — обычно на двадцать-сорок килограммов легче.

— Иди сюда, Джош, — подозвал меня Джо. — Хорошенько помаши ему ручкой на прощание.

— И не забудь улыбнуться, — добавил Джерри.

Мы стояли в дверях гаража, как трое закадычных друзей.

Не буду лгать: я согласился так работать. Но со временем меня начала мучить совесть. Я не мог забыть данное маме обещание стать таким сыном, которым она могла бы гордиться.

«Есть ли загробная жизнь? — задавался я вопросом. — Есть ли рай и ад?»

Ночью, лёжа в постели, я иногда размышлял о том, где сейчас может быть мама. «Есть ли загробная жизнь? — задавался я вопросом. — Есть ли рай и ад? Есть ли такое место, где она сейчас продолжает существовать в каком-либо состоянии, виде или форме?» Я не находил ответа на свои бессмысленные вопросы и засыпал. В течение дня я много работал, поэтому быстро погружался в сон.

—

В конце концов я уволился с работы и вернулся в Мичиган. Я накопил достаточно денег, чтобы распорядиться своей дальнейшей жизнью по своему усмотрению, и осенью поступил в Келлоггский университет в Батл-Крике. Моей специализацией был бизнес, но мой долгосрочный план состоял в том, чтобы заняться юриспруденцией, а затем политикой. Сначала я стану губернатором штата Мичиган, затем сенатором США. А потом, кто знает? Может, и президентом Соединённых Штатов. Вот такой мне представлялась моя жизнь. И всё это казалось мне достижимым.

Моя учительница английского языка и куратор первого курса, миссис Хэмптон, устроив мне проверку, сказала:

— Джош, у тебя, в отличие от большинства студентов, поразительная целеустремлённость. Ты далеко пойдёшь.

Я улыбнулся ей с другой стороны стола.

— Не знаю, слышали вы или нет, я выдвинул свою кандидатуру на должность старосты первого курса.

— Вот как? Надеюсь, у тебя всё получится, — сказала она.

Я уверенно кивнул:

— Да, получится.

— Однако кое-что меня беспокоит, Джош.

Я приподнялся.

— Твой английский ужасен. Возможно, твои школьные учителя не относились к этому так серьёзно, как следовало бы. В конце концов, фермеры и заводские рабочие не обязаны говорить на правильном английском.

— У меня были хорошие отметки по английскому, — возразил я в свою защиту.

Миссис Хэмптон пропустила мои слова мимо ушей.

— Ты постоянно используешь двойные отрицания и делаешь грамматические ошибки. Твоё произношение никуда не годится. Уверена, что тебе также нужно поработать и над письменным языком.

Я немного ссутулился.

— Однако, если ты готов усердно трудиться и стараться, я тебе помогу.

Я был готов. Я знал, что, если я собираюсь достичь вершин в юриспруденции, политике или любой другой профессиональной сфере, мой английский должен быть безупречным.

— Подтяните меня? — спросил я.

— Подтяну, — ответила она.

Я прилежно занимался и повысил свою успеваемость. Я выиграл студенческие выбо-

ры и поставил галочки рядом с первыми шестью месяцами своего тридцатилетнего плана. Всё шло отлично.

7

Будучи восходящей звездой в университетском городке, я счёл своим долгом познакомиться с как можно большим количеством студентов и преподавателей. Я полагал, что это будет хорошей тренировкой для меня как для будущего губернатора Мичигана или сенатора США, или, ну, в общем... вы понимаете... Большой Шишки. В университетском городке были самые разные социальные группы и объединения, и я решил держать руку на пульсе у всех них. Я завёл записную книжку, куда внёс тех, кто мог бы помочь мне достичь моих целей.

Однажды после обеда я сидел в столовой с несколькими друзьями, когда заявилась компашка христиан — шесть студентов и два профессора. Все знали, кто они и что собой представляют. Они были христианами в буквальном смысле этого слова. Все мы в университетском городке, по моему мнению, были «христианами» — по крайней мере настолько, насколько я понимал этот термин, но эта группа была другой. Они вели себя так, будто вера

изменила их жизнь. Я ухмылялся каждый раз, когда видел их.

«Фальшивые улыбки», — подумал я, глядя, как они смеются и добродушно болтают. «Что же они за ними скрывают?» — задался я вопросом. Только один взгляд на них вывел меня из себя, и я решил посмеяться над ними. Их было слишком мало, чтобы мне беспокоиться о своём политическом провале, к которому могло бы привести моё отношение к ним.

Эти христиане вели себя так, будто вера изменила их жизнь.

Когда они направились к соседнему столику, я чуть выпрямил спину. Один из парней за нашим столиком рассказывал грязную шутку, но затих, когда христиане сели рядом с нами. Я спросил его, почему он замолчал на самом интересном месте. Смутившись, он жестом показал на севших поблизости святош.

— Какое им дело? — язвительно ответил я. — Тем более они всё равно ничего не поймут.

Краем глаза я заметил, что мои слова привлекли внимание самой симпатичной девушки среди них — Тони. И я стал развивать эту тему:

— У христиан всего-то две извилины, и те заняты лишь тем, что ищут друг друга.

Мои друзья за столом рассмеялись над моей шуткой, а я продолжил громко, чтобы все услышали.

— Однажды один подвыпивший мужик бродил по лесу и наткнулся на проповедника, крестившего людей в реке. Проповедник учуял запах алкоголя, исходящий от этого мужика, схватил его за руку и говорит: «Брат, ты готов найти Иисуса?» Пьяный говорит: «Конечно». И тут проповедник окунает его в воду на несколько секунд, потом вытаскивает и спрашивает: «Нашёл Иисуса?» Пьяный выплёвывает воду и отрицательно качает головой. Проповедник снова окунает его и на этот раз держит под водой подольше.

Я встал со стула и, продолжая шутить, подошёл к столику христиан. Рядом с Тони было свободное место, и я сел.

— Потом проповедник вытаскивает пьяного и спрашивает: «Нашёл Иисуса?» Пьяный качает головой, и раздражённый проповедник снова окунает его в воду и удерживает там полминуты. Один из дьяконов похлопал проповедника по плечу и говорит: «Лучше подни-

ми его, пока он не захлебнулся». А проповедника всего трясёт вот так...

И я изобразил, как святоша-проповедник бьётся в духовных судорогах.

— Потом он приходит в себя, вытаскивает пьяного и почти кричит: «Ну что, нашёл Иисуса, брат мой?» Пьяный глянул на проповедника, сплюнул воду и спрашивает: «Вы уверены, что Иисус пошёл ко дну именно здесь?»

Я самодовольно ухмыльнулся, когда люди за соседними столиками разразились одобрительным смехом. Даже несколько человек за столом Тони улыбнулись. Но Тони не улыбалась.

— Тебе не понравилась моя шутка? — спросил я её. Она проигнорировала меня.

— Может быть, у тебя найдётся шутка получше, — продолжил я. — Или какая-нибудь занимательная история... например, об Ионе и той огромной рыбине?

Я посмотрел на своих приятелей за соседним столиком:

— Эта рыба — просто чудище какое-то, парни. Клянусь Богом, она становится всё больше каждый раз, когда они рассказывают эту историю.

Я снова посмотрел на Тони. Она не обращала внимания на мои подколы.

— Или вот ещё: Ной и его пароход! Знаете эту историю?

Раздался голос взрослого мужчины. Это был профессор Блейксли, преподаватель истории:

— Добро пожаловать за наш столик, мистер Макдауэлл.

— Очень приятно, — ответил я с сарказмом. Я оглянулся на остальных за столиком. У всех было доброе или, по крайней мере, заинтересованное выражение лица, и я снова разозлился, сам не зная почему.

— А вообще, что это с вами, христианами? — поинтересовался я.

— Что ты имеешь в виду? — спросил профессор.

— Я имею в виду, что вы как будто из другого мира.

— Не совсем тебя понял. Мы из этого мира. Из того же самого мира, в котором живёшь ты.

— Вы ведёте себя так, будто не от мира сего.

— О, спасибо, — сказал с улыбкой профессор Блейксли. Другие за столиком тоже что-то пробормотали в знак благодарности.

— Нет-нет, это не комплимент, — сказал я, оглядывая группу. — Я имею в виду, что вы всегда улыбаетесь и ведёте себя дружелюбно, но, похоже, вы считаете себя лучше всех.

Наконец Тони заговорила.

— Это неправда.

— Неправда? — спросил я, провоцируя её.

— Нисколько. Мы изменились, но это не значит, что мы считаем себя лучше всех.

«А вообще, что это с вами, христианами? Вы как будто из другого мира».

Я бросил на Тони кокетливый взгляд.

— Ну и в чём же ты изменилась? Ты вроде бы вполне обычный человек, как и все мы.

Глаза Тони вспыхнули негодованием.

— В Библии сказано: «Кто во Христе, тот новое творение».

Теперь настала моя очередь негодовать.

— Да ладно! — закричал я. — Не надо вешать мне лапшу на уши!

Мгновенно все замолчали, и я заметил, что мои друзья, сидевшие за соседним столиком, отошли в сторонку. Я продолжил гневно выкрикивать:

— Библия, церковь... это всего лишь религия, и больше всего в этой жизни я терпеть не могу религию!

Тони повернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

— Я говорю не о религии, я говорю о Христе. Иисус Христос меняет жизнь. Даже жизнь таких упрямых, эгоистичных людей, как... как...

— Как я? — ухмыльнулся я.

Я пытался заставить её потерять самообладание.

— Иисус Христос, — продолжил я, произнося это имя как ругательство. — Да брось. Ты и сама не знаешь, о чём толкуешь. Даже если бы Иисус существовал — что никоим образом не доказано, — то как может человек, живший две тысячи лет назад, изменить чью-то жизнь в наше время?

Я вздёрнул брови, изображая удивление, уставился на Тони и ухмыльнулся.

— Ну, — сказала Тони и тоже ухмыльнулась, — думаю, тебе придётся это выяснить.

— Выяснить? А что тут выяснять? Поразительное отсутствие правды за вашими христианскими баснями?

Тут заговорил Оливер, другой член христианской группировки:

— У меня есть предложение.

Я повернулся и посмотрел на него. Коротышка с толстыми очками и торчащими как солома волосами. «Вот дурачок», — подумал я.

«Да брось. Как может человек, живший две тысячи лет назад, изменить чью-то жизнь в наше время?»

— Опровергни воскресение Иисуса, — сказал Оливер, — и ты опровергнешь убеждения христианства.

— Опровергнуть воскресение?

— Да. Докажи, что Иисус Христос не воскрес из мёртвых, и тогда весь фундамент, на котором построено христианство, рухнет. Это всего лишь предложение. Вместо того чтобы пытаться дискредитировать всё христианство, ты можешь сократить путь, опровергнув этот единственный краеугольный камень веры. Избавь себя от лишних хлопот.

— Хорошая идея, — кивнул я.

— Я серьёзно, — сказал Оливер. — Тебе предстоит сделать настоящее открытие.

Я положил руки на стол и оглянулся на всех святош.

— Я тоже не шучу.

Я поднялся на ноги.

— С нетерпением будем ждать следующей встречи с вами, — любезно сказал профессор.

Я посмотрел на профессора и остальных, чувствуя лёгкое смущение из-за своей враждебности. Если я не буду держать себя в руках, они наверняка выиграют спор.

«Докажи, что Иисус Христос не воскрес из мёртвых, и тогда весь фундамент, на котором построено христианство, рухнет».

— Меня зовут Джош.

Профессор потянулся к моей руке.

— Я слышал о тебе, Джош, и мне приятно познакомиться с тобой лично. Я Фрэнсис Блейксли.

— Приятно познакомиться, — сказал я, пожимая ему руку.

Тут и Тони заговорила:

— В следующий раз, когда надумаешь подсесть к нам, постарайся подготовиться получше.

— Подготовиться? — язвительно спросил я. Эта девушка была дерзкой. И мне это понравилось.

— Я хорошо подготовлюсь. Надеюсь, и ты будешь готова беспристрастно оценить факты

и отказаться от своих иллюзий перед лицом доказательств.

— А ты, Джош? — спросил профессор. Я повернулся и посмотрел на него. — А ты будешь готов сделать то же самое?

Я громко рассмеялся.

— У меня нет никаких иллюзий, профессор. Я же реалист.

— Просто уточняю.

«Какие странные люди», — подумал я, уходя. Я представил себе, какие будут у них лица, когда я развенчаю их миф о воскресении. «Будут ли они тогда улыбаться?» Я вообразил их растерянные, беспомощные взгляды. Была лишь одна проблема. Мне нужно было раздобыть доказательства.

От университетской библиотеки толку было мало. Через несколько часов я понял, что мне потребуется гораздо больше ресурсов, чем располагала библиотека. Забавно, к чему может привести нечто подобное — ну, я же был молодой и порывистый, — в общем, мне в голову пришла идея поехать в Европу и изучить подлинные документы и рукописи, хранящиеся там в старых библиотеках.

Всю оставшуюся часть семестра я был сосредоточен на учёбе и своих обязанностях

старосты и копил деньги, а в мае 1959 года взял билет на «Боинг 707» и полетел через Атлантику в Англию.

8

Сначала я побывал в Оксфорде и Кембридже, затем посетил несколько библиотек в Лондоне. Я всюду искал труды скептиков, которые не доверяли утверждениям христианской веры. Я был уверен, что независимый анализ суда над Иисусом, распятия и так называемого воскресения докажет, что вся эта история — лишь миф.

В то же время я осознавал, что любой хороший юрист должен знать, какие аргументы может привести защита с целью отстоять своё дело. Поэтому я также изучал труды скептиков, которые стали христианами, и таких было немного. Это были специалисты, образованные люди и теологи, такие как Клайв Льюис и Фрэнк Морисон, юрист, написавший книгу «Кто отодвинул камень?». В ней он сделал настороживший меня вывод: «Вызывающее горячие споры утверждение из Апостольского символа веры о том, что на третий день Иисус воскрес из мёртвых, возможно и даже, как полагает автор, несомненно, имеет под собой прочную и глубокую историческую основу».

Были и другие люди, которые вызвали у меня неохотное уважение, такие как лорд Литтлтон и Гилберт Уэст. Оба этих оксфордских профессора были убеждены, что христианство — это «безумная сказка», и решили действовать сообща с целью полностью его дискредитировать. Литтлтон намеревался доказать, что Савл из Тарса никогда не обращался в христианство, а Уэст стремился развенчать миф о воскресении Христа. Потом они собрались вместе, чтобы сравнить результаты своих исследований, и были потрясены, обнаружив, что каждый из них пришёл к противоположному выводу! А вскоре они оба стали ярыми последователями Иисуса Христа. Лорд Литтлтон написал: «Одно только обращение Павла в христианскую веру и его апостольское служение уже являются для внимательного исследователя достаточным доказательством того, что Сам Бог положил начало христианству».

Подобный случай произошёл и с профессором Томасом Арнольдом, заведующим кафедрой истории в Оксфорде и автором трёхтомной «Истории Рима». Досконально изучив исторические факты, он заявил: «Многие годы я изучал историю других эпох, исследовал и

взвешивал свидетельства авторов, писавших об этих эпохах, и мне не известен ни один факт в истории человечества, который бы подтверждался более убедительными и исчерпывающими свидетельствами, чем тот великий знак, который дал нам Бог, — что Христос умер и воскрес из мёртвых».

Но меня так просто не убедишь. В конце концов, столь же великие умы пришли к противоположным выводам. Я собрал свой рюкзак и отправился в континентальную Европу — Францию, Германию и Швейцарию. В течение следующих пяти недель я посетил известные музеи и библиотеки Парижа, Гейдельберга, Майнца, Женевы и Цюриха. Хотя я не знал ни слова по-французски и по-немецки, а тем более по-гречески и на иврите, я был очарован идеей взглянуть на подлинные рукописи, передававшиеся из поколения в поколение и считавшиеся подлинными документами или точными копиями подлинных текстов.

Наконец я вернулся в Лондон, а через несколько дней собирался возвратиться домой. Я сел на автобус и поехал в небольшую библиотеку, которая раньше ускользала от моего внимания, расположенную в северо-восточной части города. Библиотекарь по-

могла мне найти нужные книги, и примерно в половине третьего пополудни я сел за стол и продолжил исследования.

Четыре часа спустя я откинулся на спинку стула, потёр глаза и уставился в потолок. И не успел я опомниться, как слова «это правда» сорвались с моих губ. Я прочитал источники, изу-чил доказательства, которые смог найти, и все они указывали на единственный вывод.

Я прочитал источники, изучил доказательства, которые смог найти, и все они указывали на единственный вывод.

Я снова повторил: «Это правда». И в третий раз: «Это и в самом деле правда». Библиотекарь не выдержала и бросила на меня испепеляющий взгляд, который заставил меня снова уткнуться в книгу. Но я был не в состоянии прочитать ни слова на странице. Я думал о том, куда эта правда может привести меня.

Я вышел из библиотеки, когда на летний Лондон уже опустились сумерки, и, погружённый в размышления, направился вниз по тротуару. Мои исследования привели меня к

выводу, что сегодняшняя Библия — это точный источник, сообщающий о реальных событиях. Не к такому выводу ожидал я прийти — моей целью было опровергнуть христианство и воскресение Иисуса. Но все исторические факты и свидетельства указывали на обратное. Я понял, что моё неприятие Библии и христианства основывалось на эмоциях, а не на умозаключениях.

На долгом пути обратно в Мичиган мне было о чём подумать.

Я вернулся к учёбе в университете, но моё открытие, что Новый Завет — это истина, не давало мне покоя и лишило меня сна. Мои оценки стали хуже; я не мог выбросить из головы эту недавно узнанную правду. В конце декабря я отправился в церковь, которую уже несколько раз посещал вместе с Тони, — единственное место, куда она ходила со мной на свидания.

9

Я сидел в библейской церкви города Факторивилла вместе со своим другом Ларри Минором. Проповедовал пастор Фэй Логан. («Какое смешное имя», — подумал я.) Он уже встречался со мной раньше и знал о моём «поиске истины». Когда я приходил на служение вместе с Тони, я часто оспаривал некоторые моменты в проповеди пастора Логана. Не могу сказать, что на сей раз он подготовил особую проповедь, но ближе к концу она определённо показалась мне такой.

— Давайте внесём ясность, — сказал пастор Логан в заключение проповеди. — Дарованное Богом спасение — это не задачка для ума. В Библии сказано, что Бог избрал немудрое мира сего, чтобы посрамить мудрых.

Казалось, пастор посмотрел прямо на меня и добавил:

— Так как же мы обретаем спасение?

Он перевернул страницы Библии и прочитал из десятой главы Послания к римлянам, написанного апостолом Павлом: «Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса

Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мёртвых, то спасёшься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению».

Капли пота начали собираться у меня на лбу, как миниатюрные грозовые тучи. Пастор продолжил: «А вы? Исповедали ли вы своими устами, что Иисус есть Господь? Верите ли вы в Его воскресение? А если верите, готовы ли принять Его? Давайте посмотрим, что для этого нужно сделать».

Далее пастор Логан перечислил основные шаги к принятию Иисуса Христа: признание своих грехов; вера в то, что Бог воскресил Иисуса из мёртвых; исповедание Иисуса Господом и Спасителем. Затем пригласил выйти вперёд всех, кто хотел бы принять Христа.

Я сидел, как приклеенный. Мне было страшно. Что-то внутри подсказывало мне выйти вперёд, но я боялся того, что скажут мои друзья. Они наверняка скажут, что это сродни самоубийству. Пастор Логан вновь пригласил выйти вперёд и стал ждать желающих. Мне хотелось испариться. Всего несколько месяцев назад я критиковал христианство, называя его басней для слабоумных. А затем, намереваясь разоблачить ошибки и противоречия христи-

анства, нашёл факты, свидетельствующие об обратном. Великие умы пришли к безошибочному выводу, что Христос воскрес из мёртвых.

Но вовсе не факт воскресения Христа заставил меня покрыться холодным потом тем осенним вечером в церкви. Это было что-то другое. Что-то такое, от чего я плачу даже сегодня, когда думаю об этом. Это была Божья любовь. Сильная, неудержимая любовь Бога ко мне, грешнику! От одной только этой мысли у меня закружилась голова. Помню, я подумал: «Бог стал человеком по имени Иисус и страстно желает иметь отношения со мной. Со мной!» Но как... как Бог может любить меня? С чего бы Ему любить меня?

В одиннадцать лет я проклял Бога и поклялся ненавидеть Его до конца своих дней. А теперь я был ошеломлён Его любовью и принятием. Это сокрушило меня. Пастор снова повторил приглашение, процитировав Книгу пророка Иеремии 31:3: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простёр к тебе благоволение».

— Хочешь, я выйду вместе с тобой? — спросил меня Ларри. Его вопрос подстегнул меня. Я мигом вскочил со своего места и бросился вперёд.

Думаю, большинство прихожан были изрядно удивлены. Они знали, насколько цинично и враждебно я относился к христианству. Мне никогда не забыть выражение глаз пастора Логана, когда я встал перед ним. Я почувствовал себя блудным сыном, вернувшимся домой. Мы вместе произнесли молитву покаяния, а потом пастор Логан отвёл меня в сторону и подробнее разъяснил, что значит быть христианином. Он беседовал со мной около часа; наш разговор положил начало моему долгому и плодотворному ученичеству под руководством этого мудрого, набожного человека.

«Бог стал человеком по имени Иисус и страстно желает иметь отношения со мной. Но с чего бы Ему любить меня?»

Выйдя с Лари из церкви тем вечером, я остановился на парковке, чтобы вдохнуть прохладный воздух. Я чувствовал себя человеком, заблудившимся в пустыне и нашедшим оазис. Я не знал, что сказать и кого благодарить. Мне просто хотелось сделать глоток воды. Я посмотрел на луну и улыбнулся, а тёплые солёные слёзы скатились по лицу к

Я чувствовал себя человеком, заблудившимся в пустыне и нашедшим оазис.

уголкам рта. Я снова попросил Бога простить меня за жестокосердие и снова, таинственно и осязаемо, ощутил Его присутствие, Его теплоту и принятие. Я понял, что моя жизнь изменится навсегда. Мне хотелось, чтобы этот момент длился вечно.

10

Зима в тот год выдалась долгая и суровая, но во мне горел неугасимый огонь новой жизни во Христе. Я продолжил учёбу в Келлоггском университете, а пастор Логан наставлял меня основам христианской веры. Неизбежно поднялся вопрос о необходимости простить всех, на кого я затаил обиду, и я понял, что как ни крути, а сделать это придётся.

Несколько месяцев спустя я направился в центр города Батл-Крик, чтобы встретиться с отцом в закусочной. Он сидел за столом у окна и пил кофе. Думаю, он первым заметил меня, потому что быстро отвёл взгляд, когда я его увидел. Я предложил ему встретиться, но теперь жалел об этом.

Я вошёл в закусочную и сел за стол напротив отца и его новой подружки.

— Это мой сын Джош, — сказал он ей. Она испуганно кивнула и медленно протянула мне руку. Я мог только догадываться, что отец рассказал ей обо мне.

— Что тебе принести, милок? — спросила официантка, появившись словно из-под земли.

— Чашку кофе, пожалуйста, — ответил я.

Отец сделал жест рукой:

— Возьми что-нибудь поесть. Я угощаю.

Я отрицательно покачал головой. Мне будет достаточно и кофе. Следующие несколько минут мы с отцом неловко поглядывали друг на друга. Мы перекинулись парой фраз, но это никак не помогло преодолеть бездонную пропасть между нами. Я уже начал терять терпение. «Скажу ему как есть, а там его дело».

— Отец... — начал я.

Ожидая что-то из ряда вон выходящее, отец напряг своё жилистое тело, как собака, которая знает, что сейчас её пнут.

— Отец, — повторил я, с трудом выговаривая слова. И наконец мне удалось произнести:

— Отец, я люблю тебя.

Не знаю, кто удивился больше, — он, услышав мои слова, или я, сумев их произнести. У меня не было никакого желания ни любить отца, ни прощать его. Я был убеждён, что он виноват в смерти моей матери и распаде нашей семьи. Многие годы я ложился спать, придумывая способы убить его

У меня не было никакого желания ни любить отца, ни прощать его.

так, чтобы не попасться. И вот я новоиспечённый христианин, но я по-прежнему был полон решимости и дальше ненавидеть его. Однако что-то большее, нежели ненависть, овладело моим сердцем.

В воздухе повисло неловкое молчание. Я уставился в чашку, будто пытаясь разглядеть в кофейной гуще своё будущее. Наконец раздражённый голос нарушил молчание.

— Как можно любить такого отца, как я? — спросил он.

Мне не хотелось отвечать ему. Во всяком случае, не тогда. Но пастор Логан был хорошим учителем.

— Я стал христианином, — ответил я.

Я отвёл взгляд, и он тоже. Я не знаю, о чём он думал. А я меж тем тихо помолился о том, чтобы Бог позволил мне и дальше ненавидеть этого человека, который разрушил собственную семью. Но всё

Я помолился о том, чтобы Бог позволил мне и дальше ненавидеть этого человека, который разрушил собственную семью. Но ненависть продолжала ускользать.

без толку. Ненависть продолжала ускользать. Я быстро подобрал в уме слова о том, сколько страданий он причинил тем, кого должен был любить и оберегать. Но я знал, что если открою рот, то снова скажу то же самое: «Я люблю тебя».

Вот тогда-то я и понял, что христианство — это что-то настоящее.

Не зная, что ещё сказать или сделать, я молча вышел из закусочной.

11

Пастор Логан был рад услышать о том, как прошла моя встреча с отцом. Вспоминая тот неловкий разговор, я не был уверен, что она прошла так уж хорошо.

— Нужно подчиняться Божьим заповедям даже тогда, когда этого совсем не хочется, — сказал он.

— Да, мы должны подчиняться, — согласился я. — А результат в Божьих руках.

— Вот именно, — сказал пастор улыбаясь. — А это означает, что тебе нужно простить и ещё кое-кого из твоей прошлой жизни.

Я мгновенно понял, о ком речь, и пожалел, что вообще сказал о послушании Богу. Я почти ощутил, как в воздухе повисло зловонное дыхание моего мучителя из детства. Я вскочил со стула и стал мерить шагами кабинет пастора Логана.

— Ни за что, — сказал я наконец. — Вы же несерьёзно?

— Я совершенно серьёзно, Джош.

— Это невозможно, пастор.

— С Богом всё возможно.

Я посмотрел на пастора Логана так, будто он всадил мне нож в спину.

— Я рассказал вам о нём всё, пастор. Вам известно, что он вытворял со мной годами. А кроме того, кто знает, сколько других мальчиков и юношей стали его жертвами после меня? Как вы можете просить меня простить его? Надеюсь, он сгорит в аду! Я сам провожу его туда!

«Как вы можете просить меня простить Уэйна? Надеюсь, он сгорит в аду!»

Пастор Логан посмотрел на горевший в камине огонь.

— Простить не значит оправдать его или закрыть глаза на его злодеяния, Джош. Простить — значит освободить себя от цепей прошлого. Простив, ты сможешь спокойно жить дальше, а потерянной душе дашь возможность обрести спасение.

Я тоже посмотрел на огонь.

— Если христианство требует от меня этого, пастор, то, похоже, мне придётся завязать с ним. Я понимаю, что в идеальном мире следует прощать. Но вы требуете от меня слишком многого. Я не могу простить Уэйна Бэйли.

— Я не прошу тебя простить Уэйна Бэйли, Джош.

— Но Бог просит, — добавил я. Это был скорее вопрос, причём дерзкий.

Пастор Логан молчал. Я посмотрел на него. Хороший человек, но ему не по силам изменить моё прошлое. Слишком поздно.

Дрова потрескивали в камине, и я сказал не столько ему, сколько себе:

— Никто меня не понимает. Никто.

Пастор Логан посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, но вместо этого потянулся к своей Библии. Откашлялся и начал читать из Нового Завета: «И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают».

Я прервал его чтение.

— Уэйн Бэйли точно знал, что делает.

— Иисус тоже, — ответил пастор Логан.

—

Поначалу я, помню, надеялся, что мне не удастся выяснить, где живёт Уэйн. Но всё

же я выяснил и позвонил ему. Разговор был коротким. Я лишь сказал, что приду к нему.

Он жил в унылой квартире в Джексоне, штат Мичиган. Когда я постучал и он открыл дверь, я тут же заметил, что он не поддерживает в своей квартире такой же идеальный порядок, как в своей комнате у нас дома. В квартире не было ни чайных чашек, ни попугаев, а передо мной стоял седой, измученный человек с встревоженными глазами. Я сразу перешёл к делу.

— Уэйн, ты причинил мне зло. Много зла! Но я принял Иисуса Христа как Спасителя и Господа. И я пришёл сюда... чтобы... сказать тебе...

Мои тщательно отрепетированные слова вылетели у меня из головы. Я про себя попросил Бога дать мне сил и понял: для того, что я должен был сказать, сценарий не нужен. Я глубоко вздохнул.

— Уэйн, все мы согрешили, и никто не соответствует Божьему стандарту нравственности. Мы все нуждаемся в искуплении, и я пришёл сюда, чтобы рассказать тебе кое-что, что тебе следует знать.

Он посмотрел на меня своими бледно-голубыми немигающими глазами. На мгнове-

ние мне захотелось, чтобы это было не правдой, но это было чистой правдой, и я должен был это сказать:

— Христос умер за тебя, Уэйн, так же как и за меня.

Я подошёл к двери и повернулся к нему напоследок.

— И ещё, Уэйн. Никогда больше не прикасайся ни к одному мальчику. Ты пожалеешь об этом.

Я пришёл на парковку и сел в машину. «Где же то чувство? — спросил я себя, заводя двигатель. — Где та эйфория, которую я должен был бы испытывать, после того как встретился лицом к лицу с демоном из моего прошлого?» Я выехал со стоянки и направился к шоссе. И тут меня накрыло. Моё сердце наполнилось миром. Таким миром, какой я не испытывал никогда раньше. Я простил врага из послушания Божьей заповеди, и меня наполнил необыкновенный, несокрушимый мир, который Библия описывает как превосходящий человеческое понимание.

Почти всю дорогу, пока я возвращался в Батл-Крик, шёл дождь.

—

Когда в середине недели я вошёл в кабинет пастора Логана на очередное библейское занятие, он поприветствовал меня словами:

— Я тут вдруг подумал, Джош.

— Неужели? Я-то думал, вы всегда думаете, — ответил я.

Пастор Логан улыбнулся и встал из-за стола.

— Почему бы нам не прогуляться? Сегодня прекрасный день.

Стояла поздняя весна, и сельская местность Мичигана была густо покрыта зелёными деревьями и полевыми цветами всех оттенков на палитре художника.

— Мне нравится, — сказал пастор Логан, когда мы шли по тропинке через лес позади его дома, — что сказал Мартин Лютер: «Бог написал Евангелие не только на страницах Библии, но и на деревьях, цветах, облаках и звёздах».

Я кивнул. Я знал, что совсем не об этом думал пастор Логан и не об этом хотел со мной поговорить, но я промолчал.

— Ты когда-нибудь слышал об Уитонском университете? — продолжил он.

— Нет, — ответил я. — А это где?

— Пригород Чикаго. Там учился Билли Грэм.

— Билли Грэм?

— Да, он самый. Это престижный христианский гуманитарный университет. Думаю, тебе нужно перевестись туда и там продолжить своё образование.

— Почему?

— Потому что ты готов к следующим шагам, Джош. Я научил тебя всему, что знал.

Я остановился, он повернулся и посмотрел на меня.

— Пастор Логан, трудно представить, чтобы какой-нибудь преподаватель университета уделял мне столько же времени и внимания, как вы.

— Как бы то ни было, Джош, но мои знания и образование простираются только до сих пор.

Он пошёл дальше, я шагал рядом.

— В Уитоне учиться нелегко. Тебе придётся много и упорно заниматься, но...

Он повернулся и посмотрел на меня со своей мягкой, ободряющей улыбкой.

— Я думаю, ты справишься с этой задачей.

— А Уитон поможет мне подготовиться к профессии юриста?

— Чем бы ты ни решил заниматься, Уитон поможет тебе преуспеть. Обычно они не берут студентов из других университетов, но я знаю там некоторых людей и настоятельно

порекомендую им тебя. Если хочешь, я могу сделать несколько звонков, а там посмотрим.

— Да, сэр, было бы здорово.

Мы продолжили прогулку. Я вдыхал сладкий аромат дня, восхищаясь Божьим Евангелием, написанным на деревьях и цветах вокруг меня, на перистых облаках и голубом небе Мичигана.

12

Осенью 1960 года я поступил на первый курс Уитонского университета. Поначалу я чувствовал себя не умеющим плавать человеком, которого выбросили из лодки в озеро вниз головой. У меня было время только для учёбы и работы. Учёба была на первом месте, но я совмещал её с работой на полставки во второй половине дня, доставляя бумаги и важные документы в местные средние школы.

Город Уитон, штат Иллинойс, разделён пополам железнодорожными путями, соединяющими пригороды с Чикаго. Как-то днём я остановился в своей машине у железнодорожного переезда и ждал проходящего поезда. День был тёплый для этого времени года, и я задремал. Внезапно я открыл глаза и в зеркале заднего вида заметил приближающийся грузовик. Я моргнул и потряс головой, чтобы убедиться, что не сплю. Грузовик мчался по направлению к моей машине на бешеной скорости и не собирался останавливаться. Впереди уже проезжал поезд, отъехать мне было некуда, да и времени на то, чтобы среагировать, почти не

оставалось. Грузовик врезался в мой «форд», он завертелся как волчок и сломал шлагбаум; очередной удар грузовика по моей машине — и я оказался меньше, чем в полуметре от несущегося мимо ревущего поезда. Ещё несколько сантиметров, и я бы погиб.

Грузовик мчался по направлению к моей машине на бешеной скорости.

Однако удар был настолько сильным, что я порвал связки на шее и спине. После четырёх дней интенсивной терапии я лежал в больнице ещё полторы недели. Мне было одиноко. Отец не навестил меня ни разу. Врачи сказали, что процесс выздоровления будет медленным, и для дальнейшего лечения отправили меня домой. По иронии судьбы, водитель сбившего меня грузовика был пьян.

Я поехал в Юнион-Сити, штат Мичиган, в машине скорой помощи, пристёгнутый к каталке. Казалось, прошла целая вечность. Сидевший рядом со мной фельдшер был неразговорчив. Я не мог повернуть головой ни вправо, ни влево. Меньше всего на свете я хотел бы вновь оказаться дома.

—

Когда скорая помощь приехала на ферму, отец уже встречал нас. Мне сказали, что меня будет ждать медсестра, но в тот день она опоздала. К моему великому удивлению, отец был трезвым.

Отец последовал за санитарами. Они отвезли меня в мою комнату, переложили из каталки в кровать, привязали к кровати и убедились, что моя голова зафиксирована и не двигается из стороны в сторону. Дав отцу некоторые указания, санитары вышли из дома. Затем я услышал звук отъезжающей машины скорой помощи и жужжание мухи возле своей головы. А потом раздались шаги в коридоре за дверью моей комнаты.

Краем глаза я едва разглядел в дверях фигуру отца. Он постоял ещё немного, и, когда я прищурил глаза, чтобы получше его разглядеть, я заметил, что он плачет. Затем он начал ходить по комнате туда-сюда, ничего не говоря. Я, как мог, следил за ним глазами, но это усилие меня утомило. Прошло несколько минут, а может, и больше. Я почувствовал, что кто-то стоит возле меня.

Слёзы отца закапали мне на лицо. «Как можно любить такого отца, как я?»

Открыв глаза, я увидел стоящего надо мной отца. Он всё ещё плакал, и его слёзы закапали мне на лицо. Хриплым, дрожащим голосом он спросил:

— Как... можно... любить... такого отца... как я?

Я потерял дар речи. Отец не ждал ответа. Он снова зашагал по комнате. Через пару минут опять подошёл ко мне.

— Закусочная, — сказал он.

— Закусочная?

— Закусочная в Батл-Крике.

— Да.

— Ты сказал мне тогда кое-что. Ты сказал, что любишь меня.

Я растрогался.

— Да, папа, это правда.

Я помолчал немного, потом решился:

— Мне не нужно говорить тебе, ты и сам знаешь, как сильно я тебя ненавидел и презирал. Но больше я не испытываю к тебе таких чувств. Я кое-что узнал, папа, и это изменило мою жизнь: Бог стал человеком. Его зовут Иисус, и Он очень хочет иметь отношения с тобой.

Отец молчал, а потом исчез из моего поля зрения. Через несколько мгновений я услышал, как он вышел из комнаты. Не знаю, сколько прошло времени. Было тепло, и муха всё ещё жужжала рядом. Примерно через час отец вернулся в комнату. Присел на край кровати и наклонился, чтобы мне было легче его видеть. По его лицу вновь текли слёзы. «Почему он снова плачет?» — удивился я.

— Сынок, — сказал он, — если и меня Иисус может изменить, как изменил тебя, то я тоже хочу уверовать в Него.

Я попытался сесть в кровати, но вспомнил, что не могу даже пошевелиться.

«Если и меня Иисус может изменить, как изменил тебя, то я тоже хочу уверовать в Него».

— Тебе нужно пригласить Его в свою жизнь, папа. Открой Ему своё сердце и помолись.

— Я не умею молиться, сынок.

— Просто скажи Ему то, что подскажет тебе сердце.

Отец кивнул и произнёс простую, незамысловатую молитву:

— Бог, если Ты есть и если Христос — Твой Сын... и если Ты сможешь простить меня за то, что я сделал со своей семьёй...

Он немного помолчал, глубоко вздохнул и продолжил:

— И если сможешь изменить меня так же, как изменил моего сына, то я вверяю себя Тебе как моему Спасителю и Господу.

Пока отец молился, слёзы застлали мне глаза, и я не мог чётко видеть его, но слышал я его отчётливо. Слёзы потекли у меня по лицу, но я не мог пошевелить рукой, чтобы вытереть их. Мне казалось, что я смотрю на отца со дна плавательного бассейна. А потом, после молитвы, отец сделал то, о чём я так мечтал в детстве: вытер слёзы с моих глаз.

13

Когда я принял Христа, на перемены во мне потребовался целый год. Когда же Христа принял отец, он изменился мгновенно. Как будто кто-то проник внутрь него и включил свет, который сразу же осветил тёмную комнату. После этого он прикоснулся к алкоголю лишь раз, и то донёс спиртное до губ и не сделал ни глотка.

Многие жители нашего маленького городка и его окрестностей, узнав о том, что отец уверовал во Христа, и увидев, как сильно он изменился, тоже приняли Иисуса Христа как Спасителя и Господа. Отец стал активным участником общества «Анонимные алкоголики», а также посещал тюрьмы по всему штату, проповедуя заключённым Евангелие и рассказывая о том, как изменилась его жизнь. Вот бы мама дожила до тех дней!

Через четырнадцать месяцев отец умер. Ему удалили бо́льшую часть желудка, а печень была разрушена тридцатилетним пьянством.

Таким одиноким я не чувствовал себя ещё никогда. В то же время моя жизнь об-

рела новый смысл и направление. Я окончил Уитонский университет, затем поступил в Талботскую теологическую семинарию в Калифорнии. А потом я почувствовал побуждение стать благовестником, причём не только проповедовать Евангелие, но и отстаивать христианскую веру. Во многом я считал себя неподходящим для этой миссии, но также понимал, что «кто во Христе, тот новое творение; древнее прошло, теперь всё новое». Движение «Крестовый поход во имя Христа» (христианское служение на территории университетского городка, предназначенное для студентов), которое действует и поныне, предоставило мне всё необходимое для исполнения моего призвания и включило меня в свои ряды.

В июне 1976 года я сел писать о причинах своей веры в Иисуса, Библию и воскресение Иисуса — о тех фактах, которые убедили меня, тогда ещё студента, в истинности всего этого. Я писал почти без остановки в течение сорока восьми часов. А через девять месяцев я держал в руках первые экземпляры своей книги «Не просто плотник».

—

...С тех пор прошли годы. На сегодняшний день я побывал в 118 странах, где благовествовал примерно 10 миллионам молодых людей. Под моим авторством и соавторством вышло 115 книг. Я выступил более двадцати четырёх тысяч раз в более чем тысяче университетских городков.

Что касается личной жизни, Бог дал мне необыкновенную жену Дотти, и вместе с ней мы вырастили четырёх замечательных детей, а теперь и наши внуки — для меня огромное благословение.

По Божьей милости, я продолжаю активно служить по всему миру. Однако мои успехи, вместе взятые, никогда не заменят моих неудач. Именно мои неудачи послужили мощным толчком для моей работы и жизни.

Когда я принял Христа в возрасте двадцати лет, я был весьма неуверенным в себе человеком. В церкви постоянно говорили о том, что Бог хочет, чтобы мы служили Ему своими дарами и способностями. Я же считал, что у меня их нет, а потому мне нечего предложить Богу, и меня это изрядно удручало. У меня были оставленные детством душевные травмы и шрамы. У меня был ужасный характер. У меня были трудности с правильным английским. А вдоба-

вок ко всему, когда я волновался, начинал ещё и заикаться, чего я очень стеснялся.

Когда я принял Христа, мне было нечего предложить Богу.

Но однажды я попросил Бога использовать мою надломленность и всё мною пережитое для Своей славы. Я попросил Его использовать моё бессилие для того, чтобы явить Свою силу. Именно это Он и сделал. Он взял неполноценность, надломленность, душевные раны — всё то, из чего состояла жизнь Джоша Макдауэлла, и превратил это в силу, я верю, для Своей славы и чести. Вся слава Ему, и только Ему, потому что без Него я ничто.

А что насчёт вас, мой друг? Возможно, у вас было прекрасное прошлое. А может, ваша жизнь, как и моя когда-то, была неблагополучной и принесла вам много боли. Возможно, вас одолевают сомнения, как и меня когда-то. Каким бы ни было ваше прошлое, вы можете прийти к Богу, нашему любящему Отцу, а путь к Нему только один — через Его Сына, Иисуса Христа. В Евангелии от Иоанна 14:6 Иисус сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Иисус — это врата в вечную жизнь. По широкому и лёгкому пути, ведущему к погибели, идёт большинство людей. Узкий же и тяжёлый путь, ведущий к вечной жизни, выбирают немногие. Я обещаю вам со всей любовью и убеждённостью, что Бог приглашает вас — кем бы вы ни были, что бы ни делали, какой бы ни была ваша жизнь — присоединиться к Нему на этом узком пути. Иисус сказал в Откровении 3:20: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною». Помолитесь, как много лет назад молился мой отец: «Иисус, если сможешь изменить меня так же, как изменил моего сына, то я вверяю себя Тебе как моему Спасителю и Господу».

Бог взял неполноценность, надломленность, душевные раны — всё то, из чего состояла моя жизнь, и превратил это в силу для Своей славы и чести.

Произнесёте эту молитву прямо сейчас? Доверите свою жизнь Господу Иисусу Хри-

сту? Он и правда страстно желает иметь отношения с вами.

«Отец Небесный, я признаю себя грешником и знаю, что мои грехи отделяют меня от Тебя. Но я верю, что Ты любишь меня. Я верю, что Иисус умер за меня на голгофском кресте. Я открываю Тебе своё сердце. Я раскаиваюсь в своих грехах и прошу Иисуса войти в моё сердце и быть моим Господом и Спасителем. Во имя Христа. Аминь».

Посетите сайт www.josh.org, там вы найдёте статьи, руководства для обсуждений, видео, уроки ученичества и другие ресурсы, которые помогут вам узнать больше о Божьей любви.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1 3
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 24
Глава 5 32
Глава 6 36
Глава 7 42
Глава 8 53
Глава 9 58
Глава 10 63
Глава 11 67
Глава 12 75
Глава 13 81

Присоединяйтесь к Джошу Макдауэллу, который поведает захватывающую историю своего жизненного пути от времён, когда он был ребёнком, подвергающимся насилию, до времени, когда упрямый скептик стал человеком, полностью убеждённым в реальности и силе Иисуса. Сын известного в их городке пьяницы, в детстве испытавший на себе сексуальные домогательства со стороны наёмного работника, Джош переживал чувства беспомощности, никчёмности и опустошающего одиночества. В раннем детстве он захлопнул перед Богом дверь. Джош рассказывает, как его жажда опровергнуть христианство переросла в собственный поиск истины.

Узнайте, как страстная любовь Бога и доказательства истинности христианства навсегда изменили жизнь этого бывшего агностика. Небольшая по размеру, но очень увлекательная книжица «Мой путь… от скептицизма к вере» идеально подходит для распространения в церквях или при личном общении.

RU

OM EAST